– Слева! – крикнул Танна, парируя и поворачивая запястье, чтобы вонзить клинок в невыразительное лицо кристаллита. Варда покачнулся, уклоняясь от удара, который по широкой дуге устремился к его шлему, развернулся на пятках и обезглавил атакующего.

Чёрные Храмовники находились в постоянном движении. Они кружили вокруг опустившихся на колени эльдаров. Точно стражники храма, защищавшие жрецов, кредо которых запрещало любое насилие.

Не останавливаться ни на секунду, не позволять врагу ни на мгновение получить шанс взять числом.

Мерцающий ореол света окружал ксеносов, верный признак колдовства, которое в обычной ситуации вызвало бы у Танны неугасимую ненависть. То, что он дошёл до того, что воины Чёрных Храмовников сражались, защищая эльдаров, являлось одним из самых странных капризов судьбы, которые могла предложить жизнь.

Бьеланна сидела в центре кольца эльдаров. Огни танцевали вдоль её рук. Свет истекал из глаз ясновидицы, словно ожившие слёзы.

– Низко справа, – произнёс Варда, и Танна опустил меч.

Кристаллический клинок сломался о жёсткие зубья меча. Отдача отозвалась в руке, дух оружия упивался схваткой.

– Благослови вас Император, Иланна Павелька, – сказал Танна. Лезвие давно затупилось, но каждый разбивающий поверхностные слои кристалла удар становился смертельным.

Танна толкнул плечом, освобождая место. Враги были быстры и сильны, но он – космический десантник. Ботинок тяжело врезался в кристаллическую коленную чашечку, и разбил её. Локоть развернулся и распылил стекловидный череп. Он сражался со всеми мастерством и силой, заложенными в него мастерами плоти ордена и генетическими кузнецами забытой эпохи.

– За Кул Гилада, – произнёс Танна, убив ещё одного оживлённого монстра.

– И Браху, – отозвался Варда.

– И… и Ауйдена, – сказал Иссур, когда они снова собрались все вместе.

Снискавшие славу мертвецы сражались вместе с ними, они несли их в самих душах и каждом смертельном ударе. И хотя он истекал кровью из множества ран, сердце Танны стало сердцем Сигизмунда. Могучим органом, выкованным на наковальне войны в самый тёмный час Империума.

И пока оно билось – он будет сражаться.

Как и все они.

Клинок Иссура прорубал смертоносный путь сквозь кристаллитов. Линия подбородка Храмовника была напряжена от усилий, когда он сдерживал спазмы. Движения ног были безупречными, а владение клинком – возвышенным. Он стал бы грозным чемпионом Императора, если военные видения пришли бы к нему.

Эта честь досталась Аттику Варде, воину который ни разу не победил Иссура в тренировочных клетках, но чьё сердце не трогали мелочные обиды. Облачённый в доспех Веры и сражавшийся чёрным мечом, Варда был великим воином. Героем из летописей ордена, достойным встать в одном ряду с Баярдом, Гримальдом, Наварре и Эфридом.

Его движения были плавными и расчётливыми, он никогда не останавливался и находил пространство там, где никакого пространства не существовало. Выигрывая этим дополнительную долю секунды, чтобы парировать или контратаковать. Увидеть, как сражается Варда, значит увидеть всё самое лучшее в воине.

Танна знал, что являлся слабейшим из них. Умелым, но уступавшим во всём. Его меч останавливал грубой силой там, где они парировали, вгрызался там, где они аккуратно разрубали. И всё же пусть его техника боя и оставляла желать лучшего, результаты говорили сами за себя.

Кристаллиты настолько превосходили их в численности, что шансы на выживание казались комично абсурдными. Тысячи к одному. С такими шансами не сражались даже сами генетические отцы легионов.

Танна сомневался, что когда-то сражался с таким сверхъестественным умением.

Его смерть будет великолепной.

Пусть его плоть и не вернётся в орден, но Яэль доставит память о нём на “Вечный Крестоносец” и наследие крестового похода Котова будет сохранено.

Танна парировал рубящий удар сверху, и уклонился от выпада кристаллического шипа. Враги не атаковали энергетическим оружием, только клинками. И они отвечали тем же. Он почувствовал жжение в бедре и отступил, обрушив локоть вниз на руку с мечом. Конечность раскололась, и Танна ударил врага ногой в живот. Затем снова ударил ногой, но на этот раз низко и резко, по широкой дуге. Три кристаллита упали, и на секунду Танна увидел, что перед ним никого нет.

– Сомкнуть ряды! – крикнул Варда.

Слишком растянулись, враги слева и справа.

Сокрушительный рассекающий удар пришёлся Танне по плечу, ещё один – по бедру. Первый отскочил, не причинив вреда, после второго потекла кровь. Он прикончил обоих нападавших, но пошатнулся.

Следующий удар отскочил от нагрудника, и Танна едва не упал от силы атаки. Кристаллиты бросились мимо, пока он с трудом восстановил равновесие. Ещё больше устремились к нему. Его единственное преимущество заключалось в том, что они не могли атаковать его одновременно.

Танна отступил к братьям и зарубил кристаллита, который вонзил руку-клинок в спину эльдарской воительницы. Острие клинка вышло из груди ксеноса, но она умерла, не издав ни звука. Ещё один эльдар упал с почти отсечённой головой. Остальные стонали от каждой смерти, словно чувствовали боль потери.

Танна вернул долг, обезглавив убийцу эльдара.

– Отбрось и… и… их справа, – произнёс Иссур. Оружие мечника сломалось посередине. Теперь он сжимал не широкий меч, а скорее зазубренный гладий.

Танна повернулся на четверть оборота влево и атаковал, опустив плечо. Вспыхнула боль. Он и так уже был ранен, а стимуляторы доспехов закончились. Он отшвырнул врага.

– Сойтись, – приказал Варда.

Все три Храмовника шагнули назад и образовали вершины треугольника вокруг эльдаров. Из-за луж крови земля стала ненадёжной, но осколки разрушенных кристаллитов придавали устойчивость. Не вся кровь была эльдарской. И Иссур и Варда получили множество ран, а биология Танны работала на полную мощь, пытаясь исцелять и отвечать уровню необходимых энергетических запросов.

– Без пощады, – произнёс Варда, ударив кулаком по нагруднику.

– Без сожалений, – ответил Иссур, сжимая сломанный меч перед собой.

– Без страха, – завершил Танна.

Они закружились снова. Блокируя, парируя и защищая.

Не для такого боя их создали. Они были крестоносцами, воинами, которые искали врагов, чтобы убивать, искали сражения, чтобы побеждать. И всё же им достался именно такой бой.

Но это не могло продолжаться вечно, враги были слишком многочисленными, неумолимыми и свободными от необходимости защищать тех, кто не мог защитить себя.

Первым суждено было погибнуть Варде.

Скользящий удар задел сбоку шлем. Чемпион на мгновение замешкался, и враги накинулись на него. Они кололи, рубили и толкали. Он боролся, но не мог воспользоваться чёрным мечом. Клинки пронзили живот и грудь. Ещё один вошёл под наплечник.

Этот последний удар развернул его, а меч всё ещё оставался в сердце кристаллита. Блестящий клинок со стреловидным краем прочертил дугу и рассёк горло. Разрубил мясо шеи, точно бритва.

Кровь брызнула фонтаном. Чёрный меч вырвался из груди кристаллита.

Танна закричал, не в силах поверить в то, что увидел, когда колени Варды подогнулись и чёрный меч выпал из руки.

Не успел он коснуться земли, как рядом оказался Иссур.

Кристаллиты окружили Варду, рубя его на куски, словно оскверняя погибшего. Иссур врезался в них, используя своё тело, как таран. Никаких мыслей о собственной защите. Кристаллический клинок вонзился ему в спину. Другой срезал плоть на рёбрах, словно мясник разделывал тушу.

Иссур отшвырнул их от чемпиона Императора, пронзая обломком сломанного клинка и нанося удары кулаком свободной руки.

Он опустился на колени рядом с трупом Варды. Сломанный меч устремился вниз.

И когда он выпрямился, то держал над головой оружие чемпиона.

– Чемпион может пасть, но никогда не умрёт! – воскликнул Иссур, и слова были свободны от порчи “Валетте”. Сломанный клинок свисал на цепи с запястья. Сжимая чёрный меч обеими руками, Иссур возродился в крови, как чемпион Императора, которым он всегда мечтал стать.

Танна прорубался к Иссуру, отчаянно блокируя и парируя. Кристаллиты почувствовали, что конец близок и усилили натиск. Большинство эльдаров погибли. Кроме Бьеланны уцелели только двое, остальных изрубили в крови.

– Построение кастеляна, – произнёс Иссур, боль которого исчезла в момент последнего апофеоза.

Они встали в защитном стиле спиной к спине.

Они сражались, словно две половины одного воина, гармонично дополняя умения и силы друг друга. Они кружили вокруг Бьеланны, их мечи превратились в размытые пятна: чёрное и серебряное.

Танна пропустил удар клинка в грудь, и сломал кристалл предплечьем. Другой клинок вонзился ему в бок. Они выступали из тела, словно стеклянные шипы. Кровь лилась по нагруднику, вытекая из трещин в орле цвета слоновой кости.

Танна опустился на колено, но Иссур подхватил его и помог встать.

– Мы не умрём на коленях, Танна! – воскликнул Иссур, взмахнув чёрным мечом над головой и разрубив с полдюжины кристаллитов одним могучим ударом.

Даже с оружием чемпиона сила Иссура иссякала, а движения замедлялись. Его раны были слишком глубокими и широкими, а доспехи залиты кровью ниже пояса.

Танна увидел выпад и попытался выкрикнуть предупреждение.

Иссур повернул меч, ставя поперечный блок.

На долю секунды позже, чем требовалось.

Крепкий, как алмаз клинок со сверкающими краями.

Они поймали свет синего неба, и зазубренное синее лезвие стало ярко-багровым, когда вонзилось в сердце Иссура.

Рот Иссура открылся от боли.

Он посмотрел Танне в глаза:

– До конца, брат, – произнёс он.

И бросил чёрный меч Танне, пронзённый шквалом стеклянных клинков.

Чёрный меч повернулся в воздухе в прекрасном броске. Танна поймал его свободной рукой и взмахнул по столь же идеально прекрасной дуге, прикончив убийцу Иссура. С цепным мечом в одной руке и чёрным мечом в другой, Танна бросился на кристаллитов, взревев от ненависти за всё, что они забрали у него.

Мечи рассекали и рубили, нанося удары с точностью, которой он никогда не обладал. Каждый удар находил брешь в защите врагов, каждое парирование происходило в самый нужный момент, защищая Бьеланну от трусливых атак в неподвижное тело.

Вражеский клинок рассёк набедренник правой ноги. Прорубился до кости и сломался. Длинные осколки зазубренного стекла расщепились и вонзились в мясо бедра.

Танна прикусил язык от боли. Рот наполнился кровью.

Боль была свирепой и сильной, едва ли не ослепляющей.

Он чувствовал каждый пронзавший его плоть клинок. В спину, бок и грудь. Один в шею, другой пробил подмышку и разорвал правое лёгкое. Последний колющий выпад вонзился в сердце.

Танна упал на спину и уставился в невыносимо синее небо. Он подтянул оба меча на грудь, как на покрытых резьбой крышках саркофагов в освещённых свечами склепах “Вечного Крестоносца”.

Из тела вытекло апокалиптическое количество крови. Его окутал предсмертный холод. Его бой закончился.

Кто-то провёл рукой по его лицу. Нежная, гладкая, как фарфор, и холодная, как стекло.

И боль ушла.

– До конца, – произнесла Бьеланна.

< Вам нужно отвлечь её, > сказал Авреем.

< Я знаю, > ответила Линья, чувствуя, что в её разум просачивается холод, который не имел никакого отношения к температуре. Реальность того, что она привела в движение вместе с остальными пленёнными в нейроматрице Галатеи магосами, сказывалась теперь и на ней.

Гнев на машинный гибрид поддерживал её, давал цель, но теперь Линья впервые почувствовала настоящий страх.

< Не знаю, сколько ещё смогу помогать вам, > продолжил Авреем, и Линья едва смогла заставить себя посмотреть на него.

< Вам нужно продержаться, > сказала она. < Ещё совсем немного. >

Его тело распадалось, в буквальном смысле распадалось по мере приближения к мостику. Словно яркость света и объём необработанных данных растапливали сущность Авреема, подобно льду на комете, что приближалась к перигею с солнцем.

Но дело было совсем в другом.

< Я постараюсь, > сказал он.

Слабость Авреема не имела никакого отношения к обжигающей яркости командной палубы. Он умирал, истекая кровью в кузне “Электрус”, несмотря на отчаянные усилия её отца и Хироны Манубии.

Они парили над звёздно-горячими лучами мостика.

< Мы не сможем сделать это одни, > сказал Авреем. < Нам нужен проводник, чтобы попасть внутрь. >

< И у нас есть один, > ответила Линья. < Смотрите. >

Авреем проследил за её взглядом и произнёс:

< Им тоже не войти. Дух-машина в замке мёртв. >

< Но вы можете впустить их, > сказала Линья. < Вспомните перерабатывающий зал. >

Она знала, что он поймёт её холодную логику и ненавидела себя за то, что использовала его. Здесь, в этом месте, между ними не существовало никаких тайн, и он кивнул, понимая, чего это будет стоить.

Авреем спикировал вниз и его распадавшийся дух вошёл в дверь. Запирающий механизм был холодным и мёртвым, убитый тварью, которая притязала на такое же происхождение.

< Ибо мы призываем волю Бога Машины, > произнёс Авреем. < Сим мы соединяем то, что было сломано. >

Свет хлынул из него, омывая внутренние механизмы двери сиявшим, как в доменной печи расплавленным золотом. И, как и мёртвые машины в кузне “Электрус” отозвались на его прикосновение, также отозвалась и огромная темплум-дверь в конце пути Мудрости.

Она открылась.

Присутствие Телока и Галатеи на мостике “Сперанцы” оскорбляло Котова на каждом уровне существования. Кадианцы полковника Андерса рассредоточились, словно зачищали помещение в одном из боевых симуляторов Дахана. Котов отметил, что сержант Рей отделился от остальных, твёрдо и решительно прицелившись в Галатею.

Яэль и Робаут Сюркуф двигались справа от него, а скитарии слева. Пока огромная дверь медленно открывалась, Телок смотрел в их сторону с выражением усталого раздражения на лице.

– Невозможно, – произнесла Галатея, захромав вперёд, тело-марионетка было почти оторвано от её паланкина. Котов почувствовал радость, увидев, что кто-то сумел ранить машинный гибрид. – Мы погасили дух внутри двери. Как вы сумели открыть её?

– Я – архимагос Адептус Механикус, – ответил Котов, не желая признавать, что произошедшее являлось для него необъяснимым чудом. – Скоро вы узнаете, что я на многое способен.

Телок вздохнул, и его тело слегка увеличилось, выпуская пар, а покрывавшие корпус кристаллы замигали множеством оттенков.

– На Экснихлио это казалось занимательным, – сказал он, – но ваше нежелание умирать перешло границы любого развлечения.

Котов прекрасно понимал, что бесполезные препирательства с Потерянным Магосом ни к чему не приведут, и отдал приказ, который должен был отдать давным-давно:

– Убейте Телока и его мерзость, – произнёс он.

Он надеялся услышать грохот выстрелов и щелчки лазеров, смешанные с треском плазмагана. Он надеялся на это, но не ожидал. Кадианцы отчаянно проверяли ружья, вставляли новые силовые ячейки, но Котов уже знал, что ни одно оружие не выстрелит.

– Отделение гвардейцев и один космический десантник? – спросил Телок, выдвигая стекловидные когти из громоздкой кристаллической перчатки. – Целый корабль скитариев и гвардейцев ведёт бой, а это всё, что вы смогли собрать? Вы не могли не увидеть останки ваших преторианцев и скитариев. Как вы могли поверить, что я позволю вашему оружию функционировать в моём присутствии?

– Стоило попробовать, – ответил Котов, пока кадианцы прикрепляли к стволам ружей штыки из матово-чёрной стали длиной в фут. Яэль и Сюркуф обнажили мечи.

Котов улыбнулся странности происходящего.

Видимо Телок думал также.

– Вы собираетесь сражаться за самый технологически совершенный корабль за всю историю человечества холодным оружием? – спросил он. – А когда потерпите неудачу, что затем? Ругательства?

– Технология, помноженная на грубую силу, – сказал Котов. – Империум в миниатюре.

– В этом есть доля правды, – согласился Телок и шагнул к центру мостика. Дыхание Богов на обзорном экране выглядело столь же тошнотворным, как и при невооружённом взгляде, и казалось, что кружащийся серебряный вихрь увеличивался с каждой секундой. Позади него маячили два размытых пятнышка света, геоформерные суда, судя по всему.

Котов последовал за Телоком на возвышение над палубой, и заметил Таркиса Блейлока, который лежал перед незанятым командным троном. Он и в самом деле умер? Невозможно сказать, тело испускало бесчисленное количество излучений, а все показатели загруженных данных и лихорадочные взаимосвязанные процессы ошеломляющей сложности были сопоставимы с атакой скрапкода.

Командный трон стоял пустым, но на краткий миг, промежуток времени настолько эфемерный, что его едва ли вообще можно было назвать существующим, Котов был уверен, что увидел спектральное изображение сидящей фигуры в мантии.

Которая смотрела на него с выражением отчаянной необходимости.

Затем видение исчезло, и Котов уставился на то, что сначала принял за разбросанные по палубе обломки автоматизированного погрузчика. Слабая аура ноосферы, точно кровавый след при убийстве, сказала ему, что это никакая не автоматизированная машина, а останки магоса Криптаэстрекса.

Он посмотрел в сторону поста астронавигации. Магос Азурамаджелли сохранил функциональность, хотя решётчатое тело деформировалось и погнулось. Отдельные части разрушенной мозговой архитектуры перекосились в стеклянных колбах, из которых вылилась половина биоподдерживающих гелей.

То, что он по-прежнему функционировал, являлось ещё одним чудом.

– Как видите, я контролирую “Сперанцу” и всё, что связано с её работой, – произнёс Телок, подняв руки с когтями к изображению над головой. – Дыхание Богов скоро будет на борту, и меньше чем через час мы покинем орбиту и направимся на Марс.

Галатея встала рядом с Телоком, и Котова поразило, насколько изменился машинный гибрид. Он держался, как искалеченный и тяжело болеющий человек, которому каждое движение явно причиняло чудовищные страдания.

– Нам больше не о чем говорить, архимагос Котов, – произнёс Телок, обращаясь к Галатее. – Убейте их всех.

Машинный гибрид выпрямился на несогласованных конечностях с клинками, словно сломанный автоматон в исторической хронике. Переделанная психопатом игрушка ребёнка с вырванными кабелями, вытекавшими жидкостями и искрившими проводами.

– Теперь я увижу, как вы умрёте, – сказал Телок.

С тех пор как оно вошло в летописи кадианской истории, сражение за Воген стало олицетворением безнадёжного боя. Учитывая вовлечённые в непосредственное сражение силы, ни один кадианский командующий ни в одной из симуляций боевых действий в разрушенном войной городе так пока и не смог разработать действенную стратегию безоговорочной победы.

Хокинс надеялся, что изменит это.

Победа Дахана над альфа-зверем в прямом смысле ошеломила кристаллических врагов и имперцы сполна воспользовались обретённым преимуществом. Ни один кристаллический убийца в пределах трёхсот метров от их позиций не выжил. Возраставшая плотность огня по всему периметру площади говорила Хокинсу, что скоро это изменится.

Лейтенант Карха Крид со всех ног бежала к нему по обломкам. Её шлем был пробит и Хокинс видел мелькавшие под ним светлые волосы. Кровь засохла на щеке ниже попадания.

– Похоже, вам повезло, – заметил Хокинс.

– Я была неосторожной, – ответила Крид. – Слишком увлеклась, наблюдая за победой магоса Дахана. Миллиметр левее и я была бы мертва.

– Согласен, – произнёс Хокинс.

Рота Крид заканчивала развёртывание в опорных пунктах по обеим сторонам от Хокинса. Сержанты выкрикивали воодушевляющие слова из “Памятки для поднятия боевого духа”, комиссары раздавали имперское благочестие, которое знали наизусть, а знаменосцы были готовы поднять полковые флаги также высоко, как и в первый день прибытия в экспедицию.

– Лейтенанты Геранд и Вальдор прислали свои поздравления, – произнёс Вестин, наушники вокс-связиста виднелись под краем шлема. – Обе роты ожидают ваших приказов.

– Геранд – крепкая, – заметил Хокинс. – Ругалась, что едва не потеряла руку, а тем временем целое здание рушилось вокруг неё прямо на глазах. И при этом спасла почти целый взвод и снова повела его в бой.

– Я тренировалась вместе с ней в каср Хольне, – сказала Крид, бросив повреждённый шлем и пытаясь найти новый. – Вы и половины о ней не знаете.

Хокинс кивнул и хлопнул Вестина по плечу:

– Что-нибудь новое от полковника?

– Никак нет, сэр.

– Он на пути сюда? – спросила Крид.

– Нет, нам придётся самим здесь всё заканчивать, – усмехнулся Хокинс. – Мы сделаем это так, как сделал бы Хастур, если бы у него в распоряжении были сверхтяжёлые танки и титаны. И раз речь зашла об этом…

Палуба загремела, и сзади из арки в центре стены появилась громыхавшая металлическая громадина. Скорее не танк, а полностью передвижная боевая крепость, “Гибельный клинок” являлся оптимальным выбором транспорта для искушённого командующего Имперской гвардии. Оснащённый боевыми и лазерными пушками, а также тяжёлыми болтерами, он представлял собой ударный кулак в железной перчатке. Ещё два таких же танка неумолимо двигались за ним следом.

Ян Коллинс высовывался из командирского люка на колоссальной башне, офицер-интендант натянул на лоб пару противовзрывных защитных очков.

– Это мне? – спросил Хокинс, которому пришлось кричать, чтобы его услышали посреди рёва силовой установки “Гибельного клинка”.

– “Месть Маккана”, – ответил Коллинс. – Приберёг его специально для вас, сэр. Знаю, что он принёс вам удачу на Бактаре-3.

– Вы – молодец, Ян. И как раз вовремя, – сказал Хокинс, и посмотрел через площадь на скитариев Дахана, которые расположили бронетехнику вокруг секутора и упавшей статуи Сангвиния. Затем, едва ли не перескакивая через ступеньки, он поднялся по командирской лестнице и забрался на верхнюю часть танка. Коллинс нырнул внутрь в и Хокинс занял место в командирском люке. Он надел противошумные наушники и подключился к внутренней вокс-сети. Скрипучий шум раздался в ушах, когда подобный великану дух бронированного транспорта, воспротивился человеческому контролю.

Встроенный с внутренней стороны в люк планшет показывал условные обозначения других рот сверхтяжёлых танков, боевых машин и различных взводов пехоты. Все зелёного цвета. Все готовы начать контратаку, полностью воспользовавшись передышкой, предоставленной победой Дахана и появлением легио Сириус.

Хокинс высунулся из башни и закричал Крид:

– Начинайте выдвигаться, как только мы минуем стену.

Крид кивнула:

– Ясно и удачной охоты, – крикнула она, прежде чем повернулась и побежала, пригнувшись, к своим солдатам.

Хокинс повернул чёрную пластиковую ручку рядом с собой и связался с отделением водителя:

– Поехали.

“Гибельный клинок” взревел и выпустил струю синего масляного дыма. Гусеницы вгрызлись в палубу, неуклюжий транспорт увеличил обороты двигателя и перелез через баррикаду. Почти немедленно из развалин суда и железнодорожной станции взмыли шквалы ракет. Миномёты на крыше дворца Мира обрушили залпы фугасных снарядов на дальний конец палубы. Ракеты из пусковых установок “Смертельный удар” прочертили воздух, и раздалась оглушительная канонада главный орудий башен сверхтяжёлых танков.

Половина площади исчезла в освящённой пламенем полосе уничтожения.

Справа от Хокинса три “Адских молота” выехали из-за края суда и выпустили ливень снарядов из многочисленных башенок, а также зафиксированных и продольных орудийных турелей. Две пары “Теневых мечей” двигались за ними. Их “Вулканы” отслеживали цели, пока тяжёлые болтеры пронзали дым массреактивными болтами.

Хокинс знал, что слева от него, по крайней мере, столько же колоссальных танков прокладывали себе путь сквозь измельчённые остатки железнодорожной станции. Полковые “Химеры” и “Леман Руссы” казались нелепо маленькими рядом со сверхтяжёлой техникой.

Зелёный огонь вырвался из пелены взрывов впереди, хотя было удивительным, как там вообще что-то могло уцелеть и оказывать сопротивление. Хокинс бросил в бой подавляющую огневую мощь и бронетехнику, но враг ещё не был разбит. Вовсе нет.

“Гибельный клинок” представлял собой триста тонн внушавшего страх смертоносного металла, и хотя “Адские гончие” являлись отличительным танком 71-го, Хокинс не мог отрицать острые ощущения от командования таким зверем среди машин. Ничто из того, что враг был способен выставить против него, не могло поцарапать даже краску.

Прогрохотало главное орудие, и “Гибельный клинок” покачнулся на гусеницах. Часть палубы за позицией Дахана просто исчезла. Взрывы от артиллерийского огня мешали рассмотреть противоположную сторону площади, но мерцавшие в дыму отражения сказали Хокинсу, что

враг сосредотачивал силы. Он знал, что опасно ехать, высунувшись из люка командирской башни, но люди должны были видеть его.

Они должны видеть, как мало его волнует опасность.

Офицеры Кадии так вели солдат в бой тысячи лет, и так они будут их вести всегда.

Сотни лазерных разрядов из многочисленных “Химер” пронзали туман, шторм огня двигался перед наступавшими кадианцами. Больше тысячи пехотинцев бежали через площадь, яростные потоки восходящего тёплого воздуха развевали знамёна рот.

Вот как сражались кадианцы: неумолимо и неистово атакуя с такой подавляющей силой, что у врага просто не оставалось шансов выжить. Гвардия не являлась продолжением имперской политики, направленной на то, чтобы заставить врага сесть за стол переговоров.

Она была силой истребления.

Хокинс посмотрел вверх, когда большая тень упала на “Месть Маккана”. Раскрашенный в цвета Сириуса, блестевший свежей краской и новым маслом, капающим с каждого сустава, “Амарок” уважительно склонил голову, поравнявшись с ним. Винтрас отвёл “Пса войны” в сторону, прежде чем выпустить поток болтерного огня из “Вулкана”.

Даже несмотря на наушники, шум был оглушительным.

Действительно большие титаны держались в тылу наступавших войск, большинство их вооружения было просто до неприличия смертоносным для использования в столь ограниченном пространстве. Хокинс убедился в этом на собственном горьком опыте. “Лупа Капиталина” и “Канис Ульфрика” вели ураганный огонь из гатлинг-бластеров, и совокупная мощь такого количества тяжёлых снарядов перепахивала палубу трёхметровыми бороздами. Оба титана залп за залпом выпускали из расположенных на корпусе пусковых установок ракеты “Апокалипсис”, превратив дальний конец площади в адский шторм осколков и огня.

Видевшие подобные залпы утверждали, что даже одна пусковая установка была сопоставима с целой артиллерийской ротой.

Хокинс счёл подобную оценку заниженной.

“Месть Маккана” подъехал к танкам скитариев, и он увидел Дахана. Секутор высунулся из люка “Леман Русса”, башенное орудие которого Хокинс не узнал. Что-то с вращавшимися медными сферами и потрескивавшими зубцами, окружавшими шар бурлящей фиолетово-белой плазмы.

Дахан заметил его и поднял в приветствии кебренианскую алебарду. У Хокинса не было

оружия, чтобы ответить, поэтому он просто вскинул кулак – столь же хороший символ Кадии, как и любой другой.

Бронетехника Механикус, состоявшая из разведывательных танков, дополнительно вооружённых “Химер” и “Леман Руссов”, покинула свой импровизированный лагерь и идеально точно встроилась в боевые порядки кадианцев.

Наступавшие танки достигли дальнего конца площади и двигавшийся впереди кадианцев вал заградительного огня исчез. Дым начал рассеиваться, когда перерабатывающее оборудование загудело и стало втягивать воздух в систему вентиляции.

“Видимо Дахан запустил её”, – подумал Хокинс.

В дыму вырисовывались угловатые силуэты – разбитые артиллерийским огнём воссозданные внешние стены Вогена. Укрепления, которые полковник Хастур и его солдаты неоднократно и безуспешно пытались отбить.

Укрепления, которые находились на расстоянии вытянутой руки.

И Хокинс почувствовал, как кулак сжал его сердце, когда через них хлынуло цунами кристаллических существ. Враги шли на тренировочную палубу из каждого поперечного прохода, из каждой бреши в стенах и из широко открытых ворот.

Тысячи тварей с острыми гранями из стекла и кристалла.

Некоторые были воинами размером с человека, другие – высокими чудовищами со щитами. Сквозь стены пробились, по крайней мере, две дюжины огромных и похожих на многоножек существ, одно из которых он уничтожил из “Рапиры” на переходе между палубами.

Армия истребления, но и у него была такая же армия.

– Пришло время выиграть безнадёжный бой, – произнёс Хокинс.

http://tl.rulate.ru/book/30591/660319